

Н. А. Непомнящих, И. С. Полторацкий, Т. А. Голованева

Повести Кецай Кеккетына в русских переводах

Стиль талантливого писателя имеет индивидуальные черты, что обуславливает неповторимость, уникальность, непредсказуемость художественного текста. Именно поэтому главной сложностью художественного перевода является сохранение стилистики оригинального авторского произведения: в идеале перевод не должен трансформировать авторский стиль. Особую сложность представляют переводы с языков малочисленных народов Сибири и Севера на русский литературный язык, поскольку в этих языках существенно различаются не только синтаксис и грамматика, но и сам тезаурус – лексика. Иногда слова не имеют такого множества переносных значений, как в русском языке, а нередко для них вообще нет точного русского эквивалента, поскольку в быту отсутствуют сами понятия и явления, описываемые национальными языками. В этих условиях перевод на русский язык в большей степени становится ориентированным на передачу содержания текста, так как главной задачей является знакомство читателя с новой для него действительностью. Однако художественная форма неотделима от особенностей того национального языка, на котором создано произведение. Конечно, в идеале художественные тексты надо читать на том языке, на котором они написаны, но в реальности это не всегда возможно, однако можно проследить и понять, каким образом тот или иной перевод «работает» с текстом-источником, какие искажения происходят в процессе перевода, какие новые смыслы в него вкладывает и добавляет переводчик.

Талантливый корякский писатель Кецай Кеккетын за свою короткую жизнь успел написать три повести. Все они переведены на русский язык, но судьба переводов этих повестей различна. Самая простая – у последней повести Кецай Кеккетына «Хоялхот».

Повесть «Хоялхот» была опубликована в 1939 г. В книге также был помещён перевод повести на русский язык, выполненный С. Н. Стебницким [8. С. 77–120]. Этот перевод опубликован и в камчатском издании 2010 г. [61. С. 44–76].

При подготовке данного издания в 2018 г. был выполнен второй перевод повести «Хоялхот», при этом переводчики Е. П. Пронина и Т. А. Голованева опирались на работу С. Н. Стебницкого.

Судьба перевода второй повести Кецай Кеккетына «Ватҕылг’эн кыңэв’чит» / «Последняя битва» (авторское название повести – «Непобежденные») более сложная. В 1936 г. историческая повесть Кецай Кеккетына была издана без перевода, хотя С. Н. Стебницкий подготовил перевод с корякского на русский язык. Возможно, содержание повести настолько не укладывалось в рамки социального заказа, что опубликовать русский перевод повести означало бы подписать приговор и автору, и переводчику. Впервые русский перевод повести Кецай Кеккетына «Последняя битва» был опубликован спустя 74 года с момента создания произведения. В 2005 г. корякская журналистка Екатерина Ивановна Дедык начала переводить повесть на русский язык. Подготовленный Екатериной Ивановной перевод был опубликован в книге, приуроченной к 90-летию корякского писателя [61. С. 172–200]. В настоящем издании 2018 г. представлен подстрочный перевод, выполненный Е. П. Прониной и Т. А. Голованевой.

Самая невероятная судьба перевода у первой повести Кецай Кеккетына «Эв’ныто валг’ын» / «Эвныто-батрак». Впервые повесть была издана на корякском языке в 1936 г. Тогда же С. Н. Стебницким был подготовлен и издан подстрочный перевод этой повести на

русский язык, роль которого, по мнению самого С. Н. Стебницкого, была во многом служебной: «Настоящий перевод имеет узко практическое назначение – помочь разобраться в корякском тексте книги тем из русских работников на местах (в школах, политпросветительских организациях, библиотеках и др.), которые не овладели еще в достаточной мере корякским языком» [46. С. 4]. Однако именно переводу С. Н. Стебницкого суждено было стать основой для всех последующих литературных обработок корякского текста и, по сути, русским вариантом повести.

Повесть Кецай Кеккетына «Эвныто-батрак» в русских переводах

Год публикации перевода	Переводчик	Название издания
1936 г.	С. Стебницкий	Кеккетын К. Эвныто-батрак: Рассказ. / пер. с коряк. С.Н. Стебницкого. Л.: ЦК ВЛКСМ, Детиздат, 1936 [1].
1958 г.	С. Стебницкий, литературная обработка Ю. Рытхэу	Кеккетын К. Эвныто-пастух / пер. с коряк. С.Н. Стебницкого, лит. обработка Ю.С. Рытхэу // Творчество народов Дальнего Севера, Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1958. С. 62–88 [95].
1961 г.	С. Стебницкий, литературная обработка В. Дудинцева	Кеккетын К. Эвныто-пастух / пер. с коряк. С.Н. Стебницкого, лит. обработка В.Д. Дудинцева // От Москвы до тайги одна ночевка. М.: Молодая гвардия, 1961. С. 59–80 [96].
1974 г.	С. Стебницкий, литературная обработка В. Дудинцева	Кеккетын К. Эвныто-пастух / пер. с коряк. С.Н. Стебницкого и В.Д. Дудинцева // Нотаймэ. Повести. Рассказы. Сказки. Кецай Кеккетын. Лев Жуков. Иван Баранников. Георгий Поротов. Владимир Коянто / сост. Е.В. Гропянов. Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, 1974. С. 12–40 [97].
1976 г.	С. Стебницкий, литературная обработка В. Дудинцева	Кецай К. Эвныто-пастух. / пер. с коряк. С.Н. Стебницкого и В.Д. Дудинцева. М.: Сов. Россия, 1976 [98].
1978 г.	С. Стебницкий, литературная обработка В. Дудинцева	Кецай Кеккетын. Эвныто-пастух / пер. с коряк. С.Н. Стебницкого и В.Д. Дудинцева // Сияние Севера. Сборник рассказов народов Севера / сост. В.М. Санги. М.: Сов. писатель, 1978. С. 117–144 [99].
2010 г.	Г. Н. Харюткина	Кеккетын К. Эвныто-пастух. Эв`ныто-қояв`бепылг`ын : повести на коряк. и рус. яз. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010. С.77–136 [61].
2018 г.	Е. П. Пронина, Т. А Голованева (подстрочный перевод)	Повести Кецай Кеккетына: Тексты. Переводы. Комментарии. Новосибирск: Академиздат, 2018 [данное издание].

В первом издании произведение «Эвныто-батрак» характеризуется как “рассказ”, но по сюжету и объему оно в значительно большей степени соответствует жанровому определению повести: перед читателем разворачивается продолжительный отрезок жизни героя, причем в результате происходящих событий и герой, и описываемая действительность претерпевают существенные изменения.

В первом издании русского перевода повести «Эвныто-батрак» в самом начале произведения указана его сугубо практическая задача – рассказать о прежних временах и о тех временах, которые происходят в жизни коряков: «Здесь я пишу о том, как наши богачи обращались с бедняками при царе. Здесь я пишу о том, как Эвныто был угнетен при старом законе богачом. И как его потом избрали председателем при новом законе, и он начал учиться в Тигиле, чтобы хорошо новую жизнь строить». В последующих переводах этот фрагмент был изъят из текста повести, по-видимому, как слишком прямолинейный отсыл к идеологической окраске эпохи.

Все русскоязычные варианты повести опираются на подстрочный перевод С. Н. Стебницкого 1936 г., во многих местах дословно его повторяя. Поскольку писатели, работавшие с повестью, не владели корякским языком, переводить самостоятельно ее они не могли. Работа с подстрочником – вполне оправданная практика в издании произведений писателей коренных народов Севера и Сибири. Степень вмешательства «литературных мэтров» в первоисточник невелика. Главным образом литературной обработке подвергается стилистика (лексика, порядок слов, некоторые синтаксические конструкции). Следует отметить, что при работе над переводом С. Н. Стебницкий стремился сохранить все особенности первоисточника, по возможности даже порядок слов, сделав его максимально удобным для чтения одновременно на двух языках, поскольку считал свой перевод не литературным, а вспомогательным при обучении корякскому языку: «Перевод этот почти дословный, подстрочный и потому лишь в слабой степени отражает художественные свойства оригинала. Но дальнейшая обработка неизбежно сделала бы его не вполне подстрочным и тем затруднила бы практическое пользование им как пособием при чтении корякского текста повести» [46. С. 4].

Каждый последующий литературный редактор (и Ю. С. Рытхэу, и В. Д. Дудинцев) – обращались с текстом повести очень бережно, в ней сохранен узнаваемый стиль самого Кеца Кекектына: короткие фразы, интонация устного рассказа, обращенного сразу ко многим слушателям. Правка имеет в основном стилистический характер.

Основная сложность заключается в том, что корякский текст очень ёмкий и лаконичный. Те же фразы, сказанные по-русски, становятся значительно пространнее: это свойство самого языка, а не только повести. В целом при обработке у В. Д. Дудинцева фразы длиннее, чем у Ю. С. Рытхэу: у чукотского писателя при сохранении всех деталей изложение получается максимально сжатым, кратким и потому наиболее близким к подлиннику. Это особенно хорошо видно в сравнении.

	Текст Кеца Кекектына	Перевод С. Н. Стебницкого
Э.0.1.	Чачол ¹ ынак гатвалэнав' мынгыткэн валг'о.	У Чачоля было десять работников.
Э.0.2.	Акко, нэллы нымкыџин, тэџын џычвомкын.	Акко! Табун большой, как кедровая чаша.

В литературной обработке писателей получается немного иначе:

Перевод Ю. С. Рытхэу (1958 г.)

У Чачоля было десять работников. Акко!
А стадо у него большое – издали казалось,
что по тундре движется кедровая чаща.

Перевод В. Д. Дудинцева (1974 г.)

У Чачоля было десять работников. Акко!
Жить можно, не правда ли? А стадо у него
было огромное – издали казалось, что это
кедровая чаща сдвинулась с *места*
и движется по тундре.

О работе В. Д. Дудинцева над переводом повести имеется такое свидетельство: «Когда Дудинцеву уже совсем стало неважно, власть дала ему разовый заказ на перевод. В 1961 г. писателю официально разрешили под своим именем отредактировать подстрочник написанной ещё до войны повести корякского писателя Кеца Кеккетына «Эвныто-батрак» [100].

Стиль В. Д. Дудинцева приближает текст корякского писателя Кеца Кеккетына к той повествовательной манере, которая свойственна русской литературе. Плавность перехода от одного образа к другому создаётся в переводе В. Д. Дудинцева детальным описанием воображаемой картины. Как это ни парадоксально, но в авторском тексте Кеца Кеккетына действительность предстает в более реалистичном виде, чем у переводчиков.

Текст Кеца Кеккетына

- Э.1.12. Ыйык янотыңгал выччаллай тынупу,
гаймаклэнав' г'ылг'ыла.
- Э.1.13. Мьянҕал лыгэыявак кувыччетың
Чичилиян.
- Э.1.14. В'отҕо гитэк, Чичилиян, тэҕын конен
четла.
- Э.1.15. Лав'тыткыно ынин, тэҕын г'уемтэв'илг'у,
котвэллатвалаң.

Перевод С. Н. Стебницкого

- Перед ними (вдали) показались горы,
покрытые снегом.
- Справа совсем далеко виднеется
Чичилиян.
- Отсюда смотреть – Чичилиян, как конское
седло.
- Вершины его, словно люди
стоящие

Перевод Ю. С. Рытхэу (1958 г.)

Перед пастухами вдали показались горы, покрытые снегом. Справа виднелся Чичилиян, похожий на конское седло. Вершины его казались отсюда людьми, стоявшими во весь рост.

Перевод В. Д. Дудинцева (1974 г.)

Перед пастухами вдали показались горы, покрытые снегом. Сначала вылезли две вершины, словно два человека встали пастухам навстречу, а потом поднялся и весь Чичилиян, похожий на конское седло.

Создаётся ощущение, что переводчики стремились приукрасить прозу Кеца Кеккетына, перевести бытописание в игру фантазии, а писатель здесь опирается на фольклорную традицию: яркий образ многочисленного оленьего стада, уподоблен кедровой чаще, а в одной из корякских сказок огромный богатырь описан словно движущаяся сопка, покрытая зарослями деревьев.

При переводе изменения коснулись не только стиля писателя, но и содержания художественного текста. В советских изданиях корякской повести на русском языке содержательной переработке подверглась вторая часть произведения. В версиях В. Д. Дудинцева и Ю. С. Рытхэу

в повести 16 глав, в оригинале – 17. При сравнении с подстрочником¹ видно, что в советских изданиях повесть частично сокращена. У В. Д. Дудинцева совсем выброшена из текста оригинальная гл. 14. В переводе Ю. С. Рытхэу текст гл. 14 сохранен, однако гл. 15 и 16 объединены в одну, при этом гл. 15 сокращена.

Финал повести в переводах Ю. С. Рытхэу и В. Д. Дудинцева не совпадает с финалом авторского текста Кецай Кеккетына, но совпадает дословно во всех изданиях, независимо от того, кто указан редактором или переводчиком повести.

В оригинале повесть заканчивается следующим образом. По возвращении через два (а не три, как в последующих переизданиях) месяца из Тигиля Эвныто собирает батраков и объясняет им, как следует жить «по новому закону»: *Не говорите, что Чачоль оставит нас без оленей, большую часть табуна отберем в уплату за работу. Кто сколько заработал – столько оленей и дадим ему. Этих оленей отобранных объединим и начнем жить вместе. Все одинаково хозяевами будем. Не думайте, что только в нашем кочевье так делается. На каждом стойбище и материке тоже*². Его наконец поддерживают остальные, начинают строить планы на будущее лето, думать, как будут совместно трудиться: рыбачить, «летовать», охотиться и делить на всех добытое. Со дня на день ждут из Тигиля «пишущего человека», который поможет распределить заработанных у хозяина оленей, он должен записать, «кто сколько заработал у Чачоля».

О судьбе самого Чачоля рассуждает перед собравшимися Эвныто: *«Товарищи! К чему нам теперь верить Чачолю. Не он ли раньше угнетал нас работой? Чуть не так сделаем, начинает рычать, как медведь. Опять же соболей убил я давеча, – он взял и ничем не оделил нас. Теперь вот наконец настала для нас хорошая жизнь. Считать ли нам его другом теперь?»*³

Остальные батраки отвечают, что Эвныто прав: *«Теперь он никчемный! По новому закону заживем!»*⁴

Чачолю предлагают отделиться самому: *«Только Чачоль с будущей зимы пусть отделится и один сам по себе кочует»*⁵. Этими словами повесть заканчивается. Как видим, батраки, пожелавшие жить по-новому, вовсе не желают никакого зла Чачолю, просто хотят, чтобы тот впредь не имел к ним никакого отношения.

В наши дни последнее предложение первой авторской повести Кецай Кеккетына воспринимается с оттенком трагичности. Богатых оленеводов в 1930-е гг. увозили в неизвестном направлении. Конечно, об их судьбе догадывались. «Будущей зимой» Чачоля уже не будет среди кочевников, его вообще не будет. Кецай заканчивает свою повесть почти фантастическим и в какой-то степени даже оптимистичным финалом, если в такой ситуации был возможен оптимизм.

В советских переизданиях русского перевода повести «Эвныто-батрак» финал повести, представленный в версиях Ю. С. Рытхэу и В. Д. Дудинцева, совпадает дословно: *«Пролетело*

¹ См. авторский текст Кецай Кеккетына на корякском языке и подстрочный перевод к нему, представленный в данном издании, предл. Э.17.113–Э.17.119.

² См. предл. Э.17.68–Э.17.74.

³ См. предл. Э.17.99–Э.17.104.

⁴ См. предл. Э.17.106, Э.17.107.

⁵ См. предл. Э.17.119.

три месяца. Эвныто в это время научился немного читать и говорить по-русски. Но самое главное: он теперь знал, как нужно строить новую жизнь и что делать с Чачолем. Об этом он и пел, подъезжая к своему стойбищу.

– Теперь бедняки сами хозяева жизни, – пел он. – Мы скажем Чачолю, чтобы заплатил нам за все долгие годы тяжелого труда. Мы отберем у него наших оленей – они все выращены нами. Эвныто больше не слуга богача, он хозяин жизни и не боится богачей. Он будет помогать людям с красными звездами устанавливать новый справедливый закон.

И чем ярче разгорался огонек родного стойбища, тем громче пел Эвныто» [97. С. 39].

Автором переделки финала скорее всего был Ю. С. Рытхэу, поскольку он раньше В. Д. Дудинцева стал редактором перевода повести. Этот же финал дословно представлен и в книге повестей Кецай Кеккетына, изданной в Петропавловске-Камчатском в 2010 г. [61. С. 136]. При этом в издании 2010 г. указано, что перевод с корякского языка сделан Г. Н. Харюткиной. Парадокс заключается в том, что в авторском тексте Кецай Кеккетына финал совершенно другой¹.

Оставим в стороне тот момент, что в авторском варианте повести главный герой – батрак Эвныто – вообще ни разу не изображен поющим. Возможно, тот, кто переделывал финал, хотел подчеркнуть, что душа героя, до революции практически «немого», не смевшего слова поперек сказать, вдруг запела, но тем самым переделывающий повесть еще раз выдал себя. Стилистика этого заключительного пассажа не соответствует стилистике повести. В нем сказано то, что должен был сказать идеологически подкованный автор в шаблонном романе о «перековке», о рождении «нового человека»: неразумный, всего боявшийся дикарь, угнетенный бедняк в результате трех месяцев учебы становится сознательным помощником советской власти, начинает осознавать себя «хозяином жизни».

В версиях Ю. С. Рытхэу и В. Д. Дудинцева иначе, нежели в оригинале, говорится и о судьбе Чачоля. В авторском финале Кецай Кеккетына все вместе бедняки решают, что через год Чачоль должен отделиться и кочевать сам. Лишь в одной фразе перед возвращением домой у Эвныто проскакивает некоторая угроза: «Если воспротивится, возьмем его и в Тигиль свезем. Там будет дрова заготавливать для дома, где учатся ученики»². Разумеется, это не самое гуманное решение, но все же в последующих речах героя, уже дома, на стойбище, нет и намека на какую-то более суровую расправу. Это совершенно не то же самое, что зловещая фраза: «Он теперь знал, как нужно строить новую жизнь и что делать с Чачолем» [97. С. 39]. Если не знать контекста, то можно решить, что в переделанной версии Чачоля ждет неизбежная расправа – финал открыт, о его судьбе ничего не сказано.

В советских источниках справедливо подчеркивается, что борьба за установление советской власти была непростой: «Коллективизация среди коряков, главным образом среди коряков-оленоводов, происходила в условиях классовой борьбы. <...> Пережитки первобытнообщинных отношений, прикрывавшие эксплуатацию, первоначально тормозили объединение хозяйств в колхозы. Однако вскоре трудящиеся коряки, убедившись в преимуществах коллективного хозяйства и распознав подлинное лицо богачей-оленоводов, прочно вступили на путь коллективизации» [101. С. 966]. Репрессивных настроений по отношению к

¹ См. предл. Э.17.111–Э.17.120.

² См. предл. Э.16.60–Э.16.61.

своим соплеменникам у самого коренного населения не было, о чем можно судить по авторскому финалу повести Кеца Кеккетына.

Немаловажной является такая деталь: в авторском тексте повести новый председатель Эвныто говорит о том, что нужно подождать несколько дней, пока приедет «пишущий человек»¹ из Тигиля (секретарь), который запишет, кому из работников сколько оленей причитается за работу. «Пишущий человек» – это, разумеется, не коряк, а русский, какой-нибудь начальник, чиновник, партийный работник, который прислан проводить линию партии среди коренного населения. Таким образом, распределение ресурсов будет производить не само общество, не бедняки-пастухи, а опять же пришлый, чужой человек, пусть и с их одобрения, но не свой. В переиздании этой детали нет. О новой системе ведения хозяйства ничего конкретного не говорится, лишь в самых общих фразах предполагается, что дальше будет делать Эвныто.

В авторском тексте Кеца Кеккетына финал повести остается открытым: неясно, какое будущее ждет Эвныто, какой именно будет новая жизнь. Дано лишь общее смутное, но весьма оптимистичное описание совместного ведения хозяйства, причем оленеводы не сомневаются, что сохранят свой исконно кочевой образ жизни. Но реальная жизнь оказалась не во всем совпадающей с теми ожиданиями, которые высказаны Кецаем Кеккетыном в книге от имени кочевников. Возможно, для переводчиков, это стало еще одной причиной заменить настоящий финал фальшивым.

Авторский текст повести конкретнее в изображении тех деталей, которые передают изменения, происходящие в корякском оленеводческом стойбище на рубеже 1920–30-х гг. В отличие от последующих литературно обработанных переводов в подлинном тексте Кеца Кеккетына значительно больше деталей, которые важны для понимания того, как коренное население воспринимало происходящие в их стойбище перемены – отголоски революционного потрясения огромной страны.

---

¹ См. предл. Э.17.109.